

Галя Маркелова

Трио поэтов, или Песни с границы веков, спетые на три голоса

Эта весна была щедра для любителей поэзии Одессы и не только.

Вышли три книги трех поэтов, судьбы которых так или иначе связаны с нашим городом.

В издательстве «Порты Украины» вышла книжка Ольги Ильницкой (Одесса – Москва) «Идет по улице война».

В издательстве «Optimum» вышла книжка Юлии Петрусевичюте (Одесса) «Археология перекрестка».

Анна Стреминская (Одесса) подарила нам книжку «Умение говорить шепотом».

Естественно, что каждая из вышедших книг требует свою серьезную критику, ибо без критического анализа не может

быть развития литературного процесса, но это сейчас не моя задача, оставим ее академистам, которые почему-то всегда молчат. Я же хочу рассказать о том общем, что поразило меня в этих книгах. Три поэта, три женские судьбы, пожалуй, и три возраста, но какое

одинаковое ощущение времени, какое поразительное предчувствие происходящего сегодня! К сожалению, не все проставили даты под стихами, но я-то знаю, я-то помню эти стихи намного раньше. Только послушайте: «А дни идут потоком черной крови, и сердце не справляется вздохом. Белеет лоб. Между бровей взлет чернеет лед. И коченеет в слове» – это Юля Петрусевиچюте (в дальнейшем будем обозначать Ю. П.). «Когда расколот на части мир, расколот весь шар земной на два полушария, и вампир желает крови иной... И темные ветры шумят да волчьи клыки растут у братьев... кто прав, а кто виноват, уже не выяснит суд!» – наблюдение Анны Стреминской (в дальнейшем будем обозначать А. С.). А вот уже и сентенция Ольги Ильницкой: «...А пуще нет у нас неволи в большом отечестве, чем жить у памяти в крутой горсти и поперек себя расти». Трагическое восприятие времени, пропускание событий (зачастую предвиденных, предслышанных, грядущих) через собственное сердце, душу, дабы найти звуковой образ ощущению, запечатлев его в ритме стиха, вот та общая задача, которую решают эти поэты... Свидетельство троих считается верным свидетельством, абсолютным доказательством (во всяком случае, исламом)...

Итак, читая наших поэтов, слышим, видим, ощущаем, как картина мира на сломе двух тысячелетий слагается в панораму,

по силе мысли и эмоции созвучную древнегреческой трагедии, где сочетаются в изумительную мозаику и причитания («выпусти ласточку, милый, в голову веку – время больших перелетов, чистого поля, в синей воде колосья глаза кололи, в тесном колодце лодка плыла за реку» – Ю. П.), и притчи («Мы ждем перемен счастливых – мы сами себе верны, но будущее приходит всегда с другой стороны!» – А. С.), и плач («Мир, как пашня, пахнет сыро. Завтра узнаю, как пахнет могила. А пока предчувствую...» – О. И.) Проживая смену времен, поэт приходит к выводу: «Разорвана цепь, каждый день существует особо, вне связи событий, меж смыслов теряется слово, но капает кровь, насыщая иссохшую землю, и травы слепые встают, ритму пламени внемля» (Ю. П.). Ее размышления подхватывает другая: «Все же зачем-то нужны наши судьбы и встречи, жизни нужны, даже если лишь миг мы прожили здесь на Земле. Здесь нужны наши души и речи, наши тела – крепость мускулов и сухожилий!» (А. С.). Третья же приходит к заключению: «Не ведая надежды... воссоздаю... иллюзию порядка... как проживают глубину порока... осваиваю жар проникновений в копилку тайную ушедших поколений... нанизываю бусину протеста за бусиной угаданного текста... еще не понимая, что пространство не сохраняет нитей постоянства... меж вещью и освоенным простором... прощеньем и скрываемым укором... сквозь зов и тесноту былых объятий... не постигая тяжести утрат... и бьется сердце смерти невольно!» (О. И.).

Но не думайте, что все так трагично... Наши поэты умеют видеть и светлую, обнадеживающую сторону бытия. «Я только стебель, лишь стебель, от ветра дрожащий. Провод гудящий меж небом и хмурой землею. Мне на ладони стихи прилетают все чаще: ливнем, листвою, небесною теплой золою!» – восклицает Анна Стреминская. А Ольга Ильницкая констатирует вслед за ней: «Я живу не надеясь, не плача... Пережив и любовь, и удачу. В глубину... где таят глубину... Я молчание слову верну». Знала бы Оля тогда, в 1976, какими пророческим станут для нее эти слова! Но такова доля поэта – переживать и чувствовать наперед и свою судьбу, и судьбы других, и судьбы планеты, ибо биение сердца поэта, любящей женщины, матери соизмеримы с ритмами Космоса. Вот как видит это единение Юля Петрусевичуте: «так

горела полынь на закате девятого неба. солью ела глаза и от дыма саднило в груди. расходилась кругами дорога за ворот. дожди добирались на ощупь насквозь до сердечного нерва».

При всей схожести реакции на вызовы времени наши поэты имеют свои индивидуальные голоса, свое интимное видение мира, свое личное умение найти ритмы, мелодии, слова... На то оно и трио... «Естественно, голос Стреминской в поэзии – чисто женский голос. Особенность его – в тихой, внятной, сдержанной интонации: вот уж чего, но страстных эскапад нет в этих стихах, а есть смиренное женское достоинство, проглядывает натура сродни тургеневским героиням: тихо любит, скрытно страдает, а вдруг возьмет да и уйдет в монастырь», – так написала поэт Тина Арсеньева в статье «Скрытный голос», что была опубликована в газете «Вечерняя Одесса». Четкий ритм и желание «дослушаться» до первозданных смыслов и организованная система образов отличает поэзию Юлии Петрусевичюте, голос которой узнаваем, на каком бы языке она не говорила, будь то русский или украинский. Ведь ее книжка в принципе билингва. Ольга Ильницкая – поэт-публицист. Даже в самых интимных переживаниях она умеет найти социальную ноту, поднимающую ее личные волнения, «пока дрожит струна сердечной боли», до высоты античных трагедий. Но ничего странного в этом нет – это органично для Оли, она и журналист, и историк, и правозащитница!

И еще одна особенность этих книг. У всех трех поэтов есть эксперимент – соединение в одном стихе русских и украинских фраз. А Оля Ильницкая соединила даже звучание иврита с потоком сознания русской речи. Как относиться к этим опытам, каждый для себя решает сам. Можно вслед за Марией Петровых повторять: «Язык Пушкина забыт, в полном небрежении. Что творится с языком русским!». Но можно и вспомнить, что язык – живой организм, что сегодня уже минуло двести пятнадцать лет со дня рождения Александра Сергеевича, что мы живем в особой языковой среде, но это уже совершенно другой разговор.

